

В.Е. Семенков, А.А. Иванов

**«СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ» Л. И. МИХАЙЛОВОЙ*:
ПОПЫТКА БЫТЬ ПРАВИЛЬНОЙ**

Социология культуры как учебная дисциплина не стоит на месте: не прошло и трех лет, как к учебному пособию Леонида Ионина [1] прибавилась работа Л.И. Михайловой «Социология культуры».

Этого автора нельзя упрекнуть в эклектизме, как Л. Ионина, или в популяризаторстве, как Б. Ерасова [2]: Л.И. Михайлова более последовательна, ее позиция более методологически обоснована. Разница состоит в более строгом подходе к дидактической стороне дела. Чувствуется, что автор имеет опыт преподавания и хочет изложить материал «как положено», однако проблемы (для студента) начинаются уже на этом уровне.

Начнем с того, что предметом социологии культуры в понимании автора являются «закономерности и механизмы функционирования и развития культуры как атрибута социальной системы» (с. 22). Вряд ли надо углубляться в основы формальной логики, чтобы доказать, что перед нами тавтология: предмет социологии культуры — культура. Точно так же можно заявить, что физика — наука о физике, а химия — наука о химии. На языке методологии это означает, что автор не проводит различия между объектом и предметом. Если социология культуры — отраслевая дисциплина, то встает вопрос: что изучает социология в целом? Очевидно, общество. Но общество изучают и иные науки: право, история, философия, и в чем же тогда отличие социологии от этих дисциплин? Если учитывать различие между объектом и предметом, то можно сказать, что только в социологии общество является предметом исследования, во всех остальных дисциплинах оно объект. Исходя из этого, предметом социологии культуры как субдисциплины социологии может выступать только общество, но никак не культура. Последняя выступает как объект изучения, в котором социологи изучают социальные взаимоотношения. Исходя из этого предмет социологии культуры можно определить как социальные взаимоотношения в сфере «культура», но этот термин все равно нужно раскрыть, поскольку определения такого типа могут быть использованы только на предельно абстрактном уровне.

Автор учебного пособия пытается решить эту проблему, определяя культуру как «знания, ценности, нормы, социальные образцы и другие атрибуты, определяющие поведение и деятельность социальных групп, общностей и отдельных индивидов» (с. 22). Смеем предположить, что из такого определения студент вряд ли поймет, что ему предлагается взять на вооружение. Понятно, что автор имеет в виду мир ценностей — тот ценностный мир, который «имеет разумное основание» (с. 21). В этом случае культура понимается очень широко, как вся

* Михайлова Л.И. Социология культуры. М., 1999.

сфера человеческой жизнедеятельности. Отметим, что именно такой подход и принято обозначать как антропологический, и он вовсе не сводится, как полагает Михайлова, к изучению культуры малых и первобытных народов.

Понимание культуры как искусственного мира людей, «имеющего разумные основания», достаточно абстрактно, оно грозит размыванием границ предмета и лишает социолога возможности «выйти в поле». Очевидно, что автор это понимает и пытается найти выход в «теории среднего уровня», с помощью которой был преодолен «разрыв между фундаментальной общесоциологической теорией и эмпирической социологией» (с. 18).

Методологическая позиция авторов рецензии статьи является прямо противоположной. Прежде всего, надо ответить на вопрос: какие своеобразные общественные отношения изучаются социологией культуры? И в этом общесоциологическая теория оказывает неоценимую услугу (отметим, что Михайлова не указывает на возможность какой-либо методологической альтернативы в социологии культуры, и у студента может возникнуть впечатление, что иначе и быть не может). Общесоциологическая теория — это целостное представление общества, и всякое вычленение той или иной сферы является абстрагированием. Если кредо теории среднего уровня — объект один, предметов много, то кредо общесоциологической теории — объектов много (политика, экономика, культура), предмет один, и имя ему «социальное», оно и является действительным содержанием экономики, политики, культуры. Другое дело, что в конкретной ситуации содержание и форма могут меняться местами, так, например, в моде требование стильности обесценило требование модности. Конечно, возникает вопрос: стоит ли за изменением в культуре (стильность важнее модности) какое-либо структурное изменение. Согласно логике Михайловой, — да, стоит, ибо она понимает культуру именно в институциональном плане, т.е. следует логике культурного детерминизма, в соответствии с пониманием культуры как подсистемы, выполняющей функцию адаптации.

В работе Михайловой нет ответа на вопрос: каковы теоретико-методологические основания исповедуемой ею теории среднего уровня применительно к социологии культуры? Она утверждает, что эта теория выполняет прикладную функцию (с. 19; 23). Допустим — но вопрос остается открытым: каков статус теории, разрабатывающей социологию культуры? Автор говорит, что опирается и на философию культуры, и на общесоциологическую теорию, и на данные других наук (с. 19), но непонятно, на каких основаниях этот синтез будет осуществлен. Так же неясно, как соотносятся приведенные определения культуры и какого определения как базового, *выражающего специфику именно социологического подхода*, придерживается сам автор. Говорится в книге и о перспективе создания единой теории культуры, но не уточняется, на какой базе, философской или социологической, возможно такую теорию создать.

Методологический ход автора учебника заключается в разведении понятий «цивилизация» и «культура». Под цивилизацией понимается материальный мир, созданный человеком, включающий в себя культуру как «воплощенные или опредмеченные ценности» (с. 22). Можно сказать, что под культурой понимается духовная жизнь общества или сфера духовного производства: на это указывает постоянная оппозиция материального и духовного во всех разделах

работы (с. 53; 90; 114; 184). Оригинальной идеей является конструирование трех систем ценностей: системы ценностей индивида, системы ценностей социальной группы, общности и системы ценностей на уровне общества. Понятно, что изложение материала идет от системы ценностей общества к системе ценностей индивида. Если под культурой подразумевается сфера духовного производства, то и кризис культуры того или иного общества понимается как кризис духовности, а раз так, то «в современных условиях важной является поддержка становления подлинной духовной элиты... Это позволит сдерживать монополистические тенденции массовой культуры. В условиях все более распространяющегося ее влияния становится трудной поддержка статуса духовной элиты» (с. 31). Интересно, как понимается духовная элита: «Это люди, обладающие специфическими личностными особенностями и профессиональными качествами». Под специфическими личностными особенностями автор, вероятно, понимает талант, соответственно, духовная элита — это творцы, люди, создающие прекрасное. Однако выделение в обществе духовной элиты наряду с экономической (с. 32), а если развивать логику автора, то и политической элитой, требует обоснования, как минимум, по двум причинам. Во-первых, в общественном сознании никакой духовной, равно как экономической и политической элиты нет, а есть просто элита, конструируемая по принципу «они — не мы», в которую общественное мнение зачисляет людей независимо от вида их деятельности. Субъект публичного дискурса (элита) выступает как единая целостность, и ее отдельные параметры (в том числе и профессиональные) для публики незначимы. Во-вторых, тезис о поддержке духовной элиты, означающий ориентацию только на производителей (творцов), упускает из виду круг потребителей этой продукции. А нужно заметить, что чтение поэзии — это тоже творчество. Следовательно, если акцентировать внимание только на производителях культуры, появляется риск исключения интересов всех тех, кого принято обозначать словом «интеллигенция». Понятие духовной элиты не имеет категориального статуса в социологии и поэтому не может использоваться как легитимное, тем более в учебном пособии.

Ввиду декларируемого автором тезиса о кризисе культуры понятен его интерес к вопросам культурной политики — но что понимается под культурной политикой? Под ней понимается деятельность по согласованию социальных механизмов и условий культурной (опять тавтология) активности как населения в целом, так и всех его групп, ориентированных на развитие творческих, культурных и досуговых потребностей (с. 41). И далее: «Стратегия культурной политики... должна (разрядка наша. — В.С., А.И.) направляться на максимальное участие культуры в интеграции общественных отношений и структур... на основе выражения духовных интересов различных социальных слоев и групп населения» (с. 42). Это положение, даже если не брать в расчет его формально-логическую некорректность, не может быть признано удовлетворительным в силу того, что оно выстроено в категориях должного, а не в категориях сущего. С том, какой *должна* быть культурная политика можно говорить только после описания того, какой она *является* как практика, сложившаяся в нашем обществе. Для этого необходимо: а) определить существующую у нас модель культурной политики, т.е. характер, тип инвестиций, затрачиваемых на производство культурных ценностей; б) выявить стратегию культурной политики, т.е.

уровень инвестиций, направляемых уже на расширенное воспроизводство и, определив адресатов инвестиций этого уровня, ставить диагноз ситуации в сфере культуры, и только после говорить, что *должно*, по мнению автора, быть приоритетом. Вместо этого мы читаем о результатах исследования автора в Пермской области: на основе опросов (непонятно как проведенных), в которых 40 экспертов выражают недовольство культурной политикой, делается вывод о «значительном снижении роли государства в развитии культуры» (с. 43). Конечно, автор может и не ставить перед собой тех задач в области изучения культурной политики, о которых говорим мы, но он все же должен понимать, что на практике министр культуры (на федеральном уровне) и заместители глав администраций по вопросам культуры (на региональном уровне) оперируют совсем другими ресурсами, нежели те, о которых говорится в данном учебнике. Они апеллируют к той сфере, которую принято называть сферой профессионального творчества, и это закономерно, если учесть, что культура общества по ходу развития общественного разделения труда конституируется в особую сферу, отделенную от сферы экономики и политики.

Л.И. Михайлова уделяет сфере творчества некоторое внимание, но не различает при этом понятия «производство» и «творчество». Достаточно привести следующую цитату: «Важнейшим элементом культурной деятельности личности является производство. Стремление людей к созиданию в различных сферах позволяет четко разделить социальное и профессиональное творчество. Социальное творчество — это высшая форма деятельности, созидательный процесс, направленный на преобразование и созидание качественно новых форм социальных отношений и общественного бытия» (с. 190). При таком подходе автор отождествляет социальную активность с творческой активностью, но при этом забывает, что для осуществления творческого акта нужен такой специфический, редкий вид социального ресурса, как талант. Согласно такой логике, и сам предмет социологии культуры определяется как изучение атрибутов, определяющих деятельность человека. По сути дела, здесь под культурой также понимается повседневная жизнь человека, и задача исследователя сводится к изучению своеобразия повседневной жизни представителя той или иной среды или общности. Не случайно в рецензируемой книге целый раздел посвящен культуре социальных общностей. Впрочем, и тут автор проявляет небрежность в обращении с понятиями. Так, к примеру, приводится понятие «субкультура», определяемое как «культуры в культурах». Но такое определение не может быть признано удовлетворительным в силу своей неоперациональности. Дидактически корректным было бы привести устоявшееся определение субкультуры как подсистемы, чей культурный код формируется в рамках более общей системы, определяющей основу данной цивилизации и целостность данного социума, и уже после этого объяснять, почему автор придерживается иной теоретико-терминологической позиции. Напомним, что теория субкультур — одно из средств описания культурной дифференциации современного общества. По этой теме существует обширная литература, и задача учебного пособия — как минимум ознакомить студента с этими исследованиями, прежде всего зарубежными. Л.И. Михайлова вообще не ссылается на зарубежные исследования, рассматривая работы только отечественных авторов.

Культура как предмет социологического исследования и как специфическая практика включает деятельность по созданию образцов, проектов будущей деятельности, а не ограничивается их трансляцией, отсылающей к истокам сохранившихся традиций. Исследование способа творчества непосредственно связано с определением творческого потенциала культуры как динамической характеристики культурно-исторического процесса. Творческий потенциал реализуется таким образом, что результат творчества становится ценностью за рамками данной цивилизации, т.е. культивируется автономно, вне связи с той культурной средой, в которой был порожден. В качестве примера можно указать культ античной философии, римского права в более поздних цивилизациях. Введение категории «способ творчества» позволяет определить существенные различия в тех формах общежития, которые кажутся идентичными. Так, например, социальную организацию древнерусских городов современные историки предлагают рассматривать по аналогии с полисными городами-государствами Древней Греции. Однако анализ полисной организации как таковой не объясняет происхождения философии у древних греков и ее отсутствие в древнерусском обществе. Анализ же способов творчества обнаруживает существенные различия в их организации (агонистической в отличие от аскетической), а, следовательно, в возможностях и условиях превращения результатов творчества в ценности за рамками этих двух цивилизаций. Авторы данной статьи утверждают, что исследование способа творчества, реализации творческого потенциала культуры — отличительная особенность *социологического метода*.

Вместо этого студентам предлагается читать об «архетипах культуры, отложенных в гено tipe нации» (с. 195), о «духовном потенциале, предполагающем наличие определенных свойств, от которых зависит успешность той или иной деятельности» (с. 220). Студенту сообщается, что «социальная и социокультурная среда определяет творческий климат общества, который может быть благоприятным или неблагоприятным» (с. 195). Очевидно, что в социологии культуры нет понятия «творческий климат общества» и мы имеем дело с метафорой, подменяющей понятийный уровень суждения. Такого рода сбои недопустимы в учебном пособии.

Вышеуказанные методологические просчеты вызваны отсутствием реальной связи между теоретической и эмпирической частью работы. Л.И. Михайлова в своем изложении идет от эмпирического уровня, и привлекаемые ею различные концептуальные построения служат лишь для типизации данного эмпирического материала и построения идеальных типов. Так, люди могут типизироваться в зависимости от их отношения к свободному времени (с. 202) или по способу формирования их духовного потенциала («Художественная культура и духовный потенциал личности», с. 221). Но идеальные типы — это лишь обобщения, их может быть бесконечное множество, но никаких существенных процессов мы не видим. Более того, нет перехода от конструирования идеальных типов к прикладному уровню исследования, хотя в начале работы было заявлено, что социология культуры — это прикладная социология (с. 19), а в прикладных исследованиях объект изменяется, а не только измеряется, как это имеет место в эмпирических исследованиях. Получается, что к концу книги позиции автора кардинальным образом изменились.

Но и тот эмпирический материал, который предлагается автором, не может рассматриваться как методологически корректный. Вот лишь несколько примеров.

Как уже отмечалось, автор указывает на результаты своего опроса, проводившегося в Пермской области среди экспертов по культурной политике, в ходе которого они оценивали эту политику по пятибалльной шкале. Результаты опроса «свидетельствуют о значительном снижении роли государства в развитии культуры» (с. 43). Как мы видим, автор оценивает степень снижения: «значительное», но где критерий этой значительности, что с чем сравнивается, какова временная динамика? Ведь суть экспертного опроса в том и состоит, чтобы получить ответы по конкретным пунктам, что стало хуже или лучше.

Далее автор приводит результаты опроса жителей сел Пермской области по проблеме «отношение к народному творчеству». Мы видим результаты ответов на вопросы относительно празднично-обрядовых форм народной художественной культуры: кто и как отмечает Пасху, Рождество, Троицу и т.д., и, в частности, указывается, что «народная художественная культура сохранилась в жизни и в быту, *что отмечают 53%*» (курсив наш. — В.С., А.И.) (с. 116). Неужели только на основе ответов можно сразу сделать вывод об отношении людей к тем или иным формам народного творчества? Автор забывает, что надо анализировать не то, как люди отвечают на вопросы, а то, как они ведут себя на самом деле.

Приводятся также данные опроса в городе Каменец-Уральске об отношении работников культуры к изменениям «социокультурных процессов в рамках различных организаций и учреждений». Автор отмечает, что большинство респондентов ориентированы на традиционные (госбюджетные) формы и методы управления, и делает вывод: «В современных условиях требуется более смелый и решительный переход к демократическим механизмам регулирования социокультурных процессов в рамках различных организаций и учреждений...» (с. 87–88). Возникает подозрение, что этот вывод распространяется не только на город Каменец-Уральский, но и на всю страну.

Мы уже указывали, что автор в начале своего учебника апеллирует к теории среднего уровня. В теории среднего уровня предмет определяется границами эмпирического знания, иначе говоря, для определения предмета выбирают те категории, которые позволяют описать данный круг явлений. В результате такого описания возникает еще одна теория, и создается ситуация, когда сколько исследователей, столько и теорий. Сторонники теории среднего уровня, увлекаясь эмпирической классификацией объектов, противопоставляют отраслевые дисциплины общей научной парадигме, что и демонстрирует работа Л.И. Михайловой. Ее социология культуры — это эмпирическая социология, производная от логического позитивизма, однако уровень презентации научного знания оставляет желать лучшего.

Литература

1. Ионин Л. Социология культуры. М., 1996.
2. Ерасов Б.С. Социальная культурология: В 2-х частях. М., 1994.